

Владимир Кунин

Ребро Адама

ФТМ

Владимир Кунин

Ребро Адама

«ФТМ»

1990

Кунин В. В.

Ребро Адама / В. В. Кунин — «ФТМ», 1990

Одновременно грустная и смешная история о жизни четырех женщин одной семьи: интеллигентной Нины Елизаровны, ее дочерей, романтической Лиды и бойкой Настюхи, и «главы семейства» – Бабушки... Главное в жизни для каждой из них – любить и быть любимой, но мужчины в их доме – лишь случайные гости. Несмотря на череду неудач, женщины искренне стремятся к счастью...

© Кунин В. В., 1990

© ФТМ, 1990

Владимир Кунин

Ребро Адама

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

На рассвете в блекло-серой стариковской толпе блочных хрущоб, взламывая тоскливый пятиэтажный ранжир, внуками-акселератами редко и нелепо торчат сытые восемнадцатипятиэтажные красавцы из оранжево-бежевого кирпича.

И все-таки это Москва, Москва, Москва... И не так уж далеко от центра. По нынешнему счету – рукой подать. Ровно посередине: между ГУМом и Окружной дорогой.

Двухкомнатные квартиры в пятиэтажках – обычные для всей страны. Крохотная кухонька, совмещенный санузел, проходная комната побольше, тупиковая – поменьше. Обветшавшая современная мебель стоит вперемешку с александровскими и павловскими креслицами и шкафчиками красного дерева. В облупившемся багете – два пейзажа начала века кого-то из Клеверов.

В полупотемках громко тикает будильник. Через десять минут, ровно в семь, он безжалостно затрезвонит на всю квартиру.

Нина Елизаровна проснулась до звонка и со своего дивана следит за неотвратимым движением красной секундной стрелки. Нине Елизаровне – сорок девять. Она красива той породистой, интеллигентной красотой, которая приходит к простоватым хорошеньким женщинам только в зрелом возрасте и вселяет обманчивую уверенность в окружающих, что в молодости она была чудо как хороша!..

По другую сторону обеденного стола, на раскладушке, в глубоком утреннем сне разматалась младшая дочь Нины Елизаровны от второго брака – пятнадцатилетняя Настя. Вдруг из-за приоткрытой двери во вторую комнату, в абсолютной тишине, раздается мощный удар колокола!..

Настя тут же натягивает одеяло на голову. Нина Елизаровна зевает и слегка раздраженно спрашивает:

– Ну что там еще?

И женский голос из-за двери спокойно отвечает:

– Все нормально, мамуля. Спи. Бабушка судно просит.

В маленькой комнате на огромной кровати красного дерева лежит парализованная, потерявшая речь семидесятивосьмилетняя мать Нины Елизаровны. Над постелью уйма фотографий в стареньких рамочках.

У старухи действует только одна правая рука, и для общения с миром над ее головой к стене прикреплена старинная корабельная рында. Когда Бабушке нужно обратить на себя внимание или кого-то позвать, она дергает за веревку, свисающую от языка колокола, и тогда медный церковный гул несется по всей квартире...

Происхождение корабельной рынды в этом сугубо женском мирке можно угадать по фотографиям ушедших лет: Бабушка в фетровой шляпке с Дедушкой в довоенном флотском кителе; Дедушка в орденах с Бабушкой и маленькой Ниной; Дедушка в адмиральском мундире; совсем юный Дедушка в матросской форменке...

Здесь же, на узкой кушетке пятидесятих годов, живет двадцатилетняя Лида – старшая дочь Нины Елизаровны от первого брака.

Полуодетая Лида ловко и привычно подсовывает под старуху судно, прислушивается к приглушенному одеялом журчанию и ласково говорит:

– Ну вот и славненько...

Лицо старухи неподвижно. Только глаза живо и неотрывно следят за Лидой и слабо шевелится правый угол беззубого рта.

– Сейчас, сейчас, – понимает Лида и подает Бабушке поильник.

Старуха удовлетворенно прикрывает глаза и начинает пить холодный чай. Из левого неподвижного уголка рта чай выливается на дряблую морщинистую щеку, затекает на шею, растворяется на подушке мокрым желтоватым пятном. Лида терпеливо подкладывает заранее приготовленное полотенце.

В комнату входит Нина Елизаровна:

– Доброе утро, мама. Тебе овсянку сделать или манную?

У старухи чуть вздрагивает правый уголок рта. Нина Елизаровна вопросительно смотрит на старшую дочь. Лида тут же «переводит»:

– Бабушка сегодня хочет овсянку. Мамуля, где последний «Огонек» со статьей этого... ну как его?!

В большой комнате звенит будильник.

– Настя! Вставай! – кричит Нина Елизаровна. – Лидуля, я понятия не имею, где «Огонек»... Настя! Черт бы тебя побрал! Ты когда-нибудь научишься просыпаться сама?

– Ну мамочка... – ноет Настя из другой комнаты.

Лида накидывает старенький халатик и говорит Нине Елизаровне:

– Мамуля, покорми, пожалуйста, бабушку, а я в ванную.

По дороге она расталкивает Настю.

– Настюхочка, вынеси судно из-под бабушки.

– Нет! Нет! Нет!.. – вопит Настя. – Я туда даже войти не могу! Там запах! Меня тошнит!

– Это подло. Бабушка тебя на руках вынянчила, – горько говорит Лида и уходит в ванную.

– А я просила?! Я просила, чтобы она меня нянчила?!

– Анастасия! Немедленно вынеси судно! Лидочка живет в той комнате, а ты... – кричит Нина Елизаровна.

– А может, она принялась?! А меня вырвет!

– Не вырвет.

Нина Елизаровна проходит в ванную, где Лида уже принимает душ за полупрозрачной пленкой.

Нина Елизаровна плотно прикрывает дверь, берет зубную щетку, выдавливает на нее пасту и вдруг начинает внимательно разглядывать в зеркале каждую морщинку на лице. Много ей не нравится в своем отражении! Она досадливо морщится и решительно начинает чистить зубы.

– Вчера вечером звонил твой отец.

– Что ему было нужно? – спрашивает Лида.

– Понятия не имею. Наверное, опять хотел пригласить тебя на их собрание.

– Боже меня упаси! Ничего более отвратительного я... Я вообще не понимаю, как папа – адвокат, интеллигентный человек...

– Да какой он интеллигентный? – Нина Елизаровна сплюнула пасту в раковину. – О чем ты говоришь?! Типичная советская образованщина. Вся жизнь был напыщен, глуп и безапелляционен. Да и мужик... крайне посредственных возможностей...

– Бедная мамочка, куда же ты смотрела?

– Дура была. Молоденькая дура... А как только я вышла за Александра Наумовича, твой папа совершенно чокнулся: его личный счет к Александру Наумовичу сразу приобрел идейно-национальную окраску. Что у тебя с Андреем Павловичем?

– Ничего нового...

– Он собирается делать какие-то шаги?

Ответить Лида не успевает. В дверях ванной появляется Настя в одних крохотных трусиках:

– Вы скоро? Я на горшок хочу.

– Что ты шляешься без тапочек, да еще и сиськами размахиваешь? – рявкает Нина Елизаровна. – Сейчас же надень лифчик!

– Лифчики уже давно никто не носит, – нахально заявляет Настя. – Конечно, кому грудь позволяет.

– А по заднице не хочешь? – обижается Нина Елизаровна.

– Нет. Я на горшок хочу.

Бабушка напряженно прислушивается к перебранке, глядя в проем двери. Затем ее взгляд скользит по стене со старыми фотографиями. И останавливается на одной, где совсем еще юная Бабушка (ну копия нынешней Насти!..) вместе с тощим семнадцатилетним Дедушкой и его Другом сидят под роскошными нарисованными пальмами.

В глазах Бабушки начинают меркнуть цвета ее сиюсекундного восприятия мира, и уже в черно-белом изображении, сначала неясно, а потом все четче и четче Бабушка видит...

...Дедушку, себя и их Друга за столом на крохотной клубной сцене. Бабушка размахивает руками, что-то решительно кричит в небольшой зальчик, набитый шумной комсомолой тридцатых годов. Дедушка и его Друг восхищенно переглядываются за ее спиной – вот такая у них подруга! Бабушка видит их краем глаза и от этого безмерно счастлива!..

Видение исчезает, мир снова становится цветным. Неопрятная парализованная старуха медленно поднимает единственную живую правую трясущуюся руку, берет веревку от корабельной рынды и...

Бом-м-м!!! Колокольный звон заполняет квартиру.

Голая Лида выскакивает из-под душа, накидывает на себя халатик, щелкает Настю по голове и с криком: «Господи! Судно! Какой стервозный ребенок вырос!» – мчится в комнату Бабушки.

Но вот Бабушка накормлена и причесана, все позавтракали, постели убраны.

За кухонным столом, друг против друга, каждая со своим зеркальцем, сидят Нина Елизаровна и Настя. Наводят утренний макияж.

– Положи сейчас же мою кисточку, – строго говорит Нина Елизаровна Насте. – И не лезь пальцами в крем, лахудра! Ты свое дурацкое ПТУ сначала закончи, а потом рожу разрисовывай!

– Мамуля, я прохожу производственную практику во взрослом коллективе и обязана быть на уровне. А во-вторых, у нас не ПТУ, а Школа торгового ученичества.

– Огромная разница – Кембридж и Сорбонна! – Нина Елизаровна встает, вынимает из кухонного шкафчика деньги: – Так! Маленькое объявление! На носу день рождения Бабушки, и я резко сокращаю расходы. Лидочка! Тебе двух рублей на сегодня хватит?

– Да! Да! – кричит из комнаты Лида. – Я еще, может быть, завтра получу отпускные и кое-что оставлю вам. Господи! Ну где же моя голубая косыночка?!

– Настя, тебе – рубль. Себе я беру... Вермишель... Масло... Хлеб... Картошка... Короче, на всякий случай я беру пять рублей, – говорит Нина Елизаровна, и жалкие остатки семейных денег снова исчезают в кухонном шкафчике.

С улицы раздается автомобильный сигнал. Настя прыгает к окну:

– Лидуня, твой приехал!..

– Настя... – укоризненно шипит Нина Елизаровна.

– О боже!.. – стонет Лида. – Ну где?.. Где моя голубая косыночка?! Настя, ты не видела, где моя косыночка?

Настя невозмутимо снимает с шеи голубую косынку:

– На, на, нужна она мне. Тьфу!..

Лида возмущенно охает, хватая косынку и мчится к дверям.

Через окно Настя видит, как Лида выскакивает на улицу, как целует ее Андрей Павлович, и задумчиво говорит:

– Странно. Кандидат... В таком прикиде... А тачка – полное говно.

– Настя! – возмущенно кричит Нина Елизаровна.

Неподвижно лежит в своей комнате Бабушка. Все видит, все слышит.

Андрей Павлович старше Лиды лет на десять. Машиной он управляет легко, свободно, как истинный москвич водитель, раз и навсегда решивший для себя, что «автомобиль не роскошь, а средство».

На ходу Андрей Павлович целует Лиду в щеку, вытаскивает из бардачка связку квартирных ключей и весело потряхивает ими перед лицом Лиды.

– Новая хата? – спрашивает Лида.

– Ну зачем так цинично? Я бы назвал это «смена явки». Пароль тот же. Рыжов уехал в Ленинград и оставил нам это. Так что после работы я в твоём распоряжении до двадцати трех часов.

– А к двадцати трем вернется Рыжов?

– Нет. Он уехал на неделю. Это я должен к двадцати трем...

– А! Вон оно что...

Тут Андрей Павлович огорчается и прячет ключи.

– Ну Лидка... Это уже ниже пояса... Ты же знаешь...

Лида наклоняется к его правой руке, лежащей на руле, целует ее и жалобно, раскаянно бормочет:

– Прости меня, Андрюшенька... Прости меня, дуру тоскливую. Просто после двадцати трех я каждый раз становлюсь такой одинокой...

– Ладно, ладно тебе. – Андрей Павлович растроганно гладит Лиду по лицу, притормаживает машину и останавливается у тротуара.

Лида обреченно вздыхает, открывает дверцу и покорно выходит.

Автомобиль Андрея Павловича трогается с места, проезжает сто метров до перекрестка и сворачивает за угол. Лида пешком шагает в том же направлении...

...Зато когда через десять минут Лида входит в свой многолюдный отдел, Андрей Павлович с обаятельной непосредственностью приветствует ее первым:

– Доброе утро, Лидочка! Здравствуйте! – И машет ей рукой.

– Доброе утро, Андрей Павлович, – отвечает Лида и проходит к своему рабочему столу. – Здравствуйте, девочки.

И все тоже радостно здороваются с Лидой. Все действительно рады видеть ее, Андрея Павловича, друг друга и ощущать себя замечательным дружным коллективом, объединенным не только общим делом, но и общей, очень личной тайной...

Сквозь открытую дверь Бабушка видит опустевшую большую комнату, старые настенные часы с безжизненным маятником, потом – фотографии над своей кроватью.

На одной – прифранченная компания у дверей Замоскворецкого загса. В центре девятнадцатилетняя Бабушка с розочкой в волосах и военный морячок Дедушка. Тут же Друг в форме курсанта какого-то училища. Все уставились в объектив.

И в остатках Бабушкиного мозга всплывают черно-белые воспоминания...

...На свадьбе кричат «горько!». Они встают, целуются. А когда Бабушка садится между Дедушкой и Другом, Друг опускает руку под стол и под прикрытием свисающей скатерти гладит Бабушку по фильдеперсовому колену и выше, до края чулка, пристегнутого широкой кружевной резинкой. Бабушка делает вид, что ничего не происходит, обнимает Дедушку за шею и счастливо хохочет...

Бом-м-м!.. Тугой медный гул плывет по пустой квартире.

Бабушка отпускает веревку колокола. Сухонькая ручонка в изнеможении падает на одеяло, глаза впиваются в проем распахнутой двери.

Секунда... вторая... третья... И некому прибежать на Бабушкин жалкий набатный призыв. Глаза ее прикрываются, и по щеке, к уху, ползет слеза...

Нина Елизаровна ведет посетителей по небольшим зальчикам своего музея. С указкой в руке, в элегантном костюме, на высоких каблуках, она выглядит чрезвычайно привлекательно. Мужчины-экскурсанты разглядывают ее с гораздо большим интересом, чем фотографии каких-то документов и ученические копии с изначально плохих полотен. И это справедливо. Как сказал поэт: «...ненавижу всяческую мертвечину, обожаю всяческую жизнь!»

Посетители музея почти все приезжие или проезжающие через Москву, что легко угадывается по апельсинам в сетках, по вареным колбасам в сумках, по коробкам с чешской обувью.

Это же обстоятельство характеризует и музей Нины Елизаровны как третьесортный – попробуй-ка сунься с апельсинами в Третьяковку!..

Позади группы экскурсантов бредет невзрачный человек с доброй и смущенной физиономией. Зовут его Евгений Анатольевич. Ему лет пятьдесят с хвостиком.

И Нина Елизаровна, не умолкая ни на секунду, изредка сочувственно поглядывает в его сторону. Один раз она даже улыбнулась ему...

От этой улыбки он счастливо шалает, да так явственно, что если бы группа в этот момент не была так увлечена копией скульптуры «Бульжник – оружие пролетариата», а узрела бы лицо Евгения Анатольевича, то все в один голос заявили бы, что он намертво влюблен в Нину Елизаровну...

А через минуту, уже в другом зале, Нина Елизаровна оглядывает свою паству и понимает, что потеряла Евгения Анатольевича. От неожиданности она сбивается с накатанного ритма и растерянно замолкает.

Однако профессионализм берет верх, и уже через мгновение речь ее льется снова легко и свободно. Только глаза все время ищут Евгения Анатольевича...

Блям-м-м!.. – слабенький удар колокола растекается по квартире.

Не мигая Бабушка смотрит в дверной проем. Ждет...

И не дождавшись, неверной правой рукой с трудом подносит ко рту поильник. Холодный чай течет по подбородку, по дряблой морщинистой шее, расплывается по подушке, по пододеяльнику...

Но Бабушка этого не чувствует. Глаза ее вонзились в довоенную фотографию – весело хохочет Дедушка в форменной шапке с «крабом», куртке с меховым воротником. Держит в руке веревку от обледелой корабельной рынды – той самой, что сейчас висит у Бабушки над головой. А вокруг Дедушки льды, снега и ужасно Крайний Север...

...Эту фотографию молоденькая Бабушка (до жутки похожая на сегодняшнюю Лиду!) показывает Другу. У Друга в петлицах «шпала», а на портупее – пистолет. Потом Друг смотрит вместе с Бабушкой в окно. Внизу три человека в кожаных регланах подсаживают в «воронок» пожилого полуодетого человека. Друг быстро надевает такой же реглан и фуражку, побратски целует Бабушку и гладит ее по выпуклому животу. И они оба смеются.

Из окна Бабушка видит, как Друг выходит на улицу, проверяет, как заперли «воронок», а сам садится в легковушку. Машины трогаются. Бабушка, счастливо улыбаясь, машет Другу вслед рукой...

Новые районы всех городов страны очень остроумно застроены одинаковыми торговыми центрами. Первый этаж – продовольственный магазин, второй – столовая, районное лицо общепита. Слева – вход в сапожную мастерскую или ателье, справа – стыдливо исключенный из общей гастрономии винный отдел. Над сапожной мастерской обычно – контора жэка, над винным отделом – штаб добровольной народной дружины или каморка участкового милиционера.

Торговый центр закрыт на обеденный перерыв. У замкнутых дверей продуктового магазина черно-серые старушки покорно ждут открытия. От запертого винного отдела змеится мрачноватая очередь еще трезвых мужчин.

С тыльной стороны Центра – завал из разбитых бочек, смятых картонных коробок, горы ломаных тарных ящиков.

Тут еще одна очередь – у пункта приема стеклотары. Сумки, сетки, чемоданы, рюкзаки с бутылками. В отличие от очередей у магазина эта очередь являет собой говорливое, неунывающее братство.

В грязном отгороженном тупичке замагазинного лабиринта на ящиках из-под марокканских апельсинов сидят Настя и Мишка.

Мишке – двадцать один год. Он в кроссовках, вельветовых порточках и в теплой «вареной» курточке с белым воротничком из искусственного меха.

Настя покуривает, Мишка захлебывается новостями:

– ...такие возможности, малыш, полный атас! Люди... Солидняк, с «волгарями». Главный – на «мерседесе»! «Старик, – это мне главный говорит, – старик, сейчас само время раскрыло тебе свои объятия! Копеечка только ленивому в рот не течет! Хочешь, – говорит, – становись на штамп, прессуй кнопки. На пластмассе гарантирую полштуки, на металле – до восьмисот! Через год у тебя квартира, через полтора – тачка. Не хочешь уродоваться на станке – ты же десантник, – давай в охрану. Штука обеспечена».

– Что? – не поняла Настя.

– Тысяча за охрану кооператива.

– Сторожем, что ли?

– Малыш! – Мишка даже за голову схватился. – Ну ты даешь! «Сторожем»! Теперь все как у людей: есть рэкет – шобла, которая шерстит кооператоров. С каждого дела – две-три тысячи в месяц. А этих дел сейчас по Москве – хоть задницей ешь.

– Как это? – удивилась Настя.

– А очень просто. Ты имеешь свое дело. Кооперативное. Я прихожу к тебе и говорю: «Анастасия Александровна, хотите спокойно жить и работать?» Ты говоришь: «Хочу». «Так вот, – говорю, – извольте ежемесячно отстегивать нам столько-то и столько-то...» Поняла? И так с каждого.

– А я не могу тебе сказать: «Вали-ка ты, Миша»?

– Вполне. Утром приезжаешь – оборудование разгромлено, помещение сожжено. Я прихожу снова. Спрашиваю: «Ну как, Анастасия Александровна?» И ты отстегиваешь, что с тебя просят, или тебя подвешивают где-нибудь в лесочке за ноги и раскаленным утюжком по животику. И вот от них этот кооператив надо защищать.

– А если в милицию?

– А там что, не люди? Я тебя умоляю!.. Все хотят вкусно кушать. Слушай, ты можешь не курить? Ну что это такое? Сколько раз...

– Не ханжи. Дальше.

– Я к Сереге. С которым демобилизовывался... А Серега говорит: «На хрена нам эти кооперативы? Что мы, даром два года в ВДВ отмантулили? Лучше сразу в рэкет. Главное – в приличную шоблу встрять. Мы – ребята тренированные, а там, если с головой...»

– Но ты же хотел на юрфак?!

– Пока эту халяву не прикрыли, надо материальную базу создать. А уже потом...

– Дурак ты, Мишаня, – лениво говорит Настя, сплевывает и выщелкивает окурочек. – То ты в кооператив, то в охрану, то в бандиты. Ну просто прямой путь на юридический факультет!

– Я свою дорогу в жизни ищу, малолетка ты хренова! Это ты можешь понять?! – взбеленился Мишка. – Я к тебе как к самому близкому... А ты?! Если бы тогда меня от Афгана не отмазали, я бы сейчас полные руки «сертов» имел! За два года, знаешь, сколько я бы этих чеков Внешторгбанка привез?! Вот тогда бы я сразу в университет! Участник войны, «капусты» навалом...

– А если бы тебя оттуда в таком симпатичном цинковом гробике привезли?

– Ладно тебе. Не всех убили. Кто-то и своими ногами пришел.

Из служебных дверей магазина выглядывает старшая продавщица Клава:

– Настя, кончай перекур, открываемся!

– Иду, тетя Клава! – кричит Настя и говорит Мишке: – Мишка ты Мишка, неохота мне сегодня тебе настроение портить. Чеши. Зайдешь за мной вечером. Мне еще товар принимать.

И Настя направляется к дверям служебного входа.

Бабушка лежит в пустой квартире, не мигая смотрит в потолок. И возникает в глазах ее беспшумное и бесцветное видение...

...На стеклах, крест-накрест, наивные бумажные полоски сорок второго года. Голая Бабушка, чуть прикрытая одеялом, курит в смятой постели. Из уборной возвращается Друг – в кальсонах, носках, в накинутом на плечи кителе с тремя «шпалами». Деловито натягивает галифе.

Скрипнула дверь. Друг, в полуодетых штанах, подхватил портупею, белые комсоставские бурки, метнулся за портьеру.

На пороге спальни стоит заплаканная двухлетняя Нина в ночной рубашке. Бабушка рассмеялась, вскочила, подхватила дочь, бухнулась с ней в постель – так, чтобы Нина оказалась спиной к Другу.

Друг выходит из-за портьеры в полной своей эмгэбэшной форме и тихо исчезает... А Бабушка счастливо целует Нине маленькие озябшие ножки, отогревает ее своим веселым материнским дыханием.

В конце первой половины дня Нина Елизаровна с двумя продуктовыми сумками и уже в обычных уличных туфлях без каблуков быстрым шагом подходит к своему дому. И сразу же видит стоящего у парадного подъезда Евгения Анатольевича с тремя гвоздичками в руках.

– Господи, Евгений Анатольевич, как вы меня напугали! – набрасывается на него Нина Елизаровна. – Куда это вы подевались, черт вас побери?! Я уж думала, что вам плохо стало...

Евгений Анатольевич робко улыбается и молчит.

– И вообще, как вы узнали, где я живу?

Евгений Анатольевич смущенно пожимает плечами.

– Вы что, сыщик, что ли?

– Нет. Инженер.

– С вами все в порядке?

– А что со мной может случиться?

– А черт вас знает! Две недели ходить в один и тот же музей – любой может сбрендить.

– Я не в музей хожу.

– А куда же?

– К вам.

Нина Елизаровна смотрится в отражающее стекло входной двери подъезда, поправляет волосы и с удовольствием говорит:

– Да ну вас к лешему, Евгений Анатольевич! Я старая баба...

– Я люблю вас, Нина Елизаровна...

– Эй! Эй!.. Вы с ума сошли! – искренне пугается Нина Елизаровна. – У меня мать парализованная, у меня две взрослые дочери от очень разных мужей! Я себе уже давным-давно не принадлежу...

– Но я люблю вас, – тихо повторяет Евгений Анатольевич.

– Вы – псих! Сейчас же прекратите ходить в наш музей! Я смотрю, на вас историко-революционная экспозиция действует разрушительно. Совсем мужик чокнулся! Ну надо же! Террорист какой-то!

Нина Елизаровна видит, как дрожат гвоздики в руках у Евгения Анатольевича, и добавляет:

– Что вы трясетесь, как огородное пугало на ветру? Давайте сейчас же сюда цветы! Если это, конечно, мне, а не какой-нибудь молоденькой профурсетке...

Евгений Анатольевич счастливо протягивает ей цветы.

– И... черт с вами! Приходите ко мне завтра часам к десяти утра. Я завтра работаю во второй половине дня. Хоть накормлю вас нормально. Небось лопаете бог знает где и что попало! Квартира тринадцать...

– Я знаю.

Нина Елизаровна оглядывает Евгения Анатольевича с головы до ног:

– Нет, вы определенно чудовищно подозрительный тип!

Бом-м-м!.. Удар колокола совпадает со звуком открывающейся двери, и в квартиру влетает запыхавшаяся Нина Елизаровна.

– Не волнуйся, мамочка! Сейчас, сейчас! Уже бегу! Сейчас перестелю, обедом тебя накормлю...

Чуть дрогнул правый уголок безжизненного старушечьего рта. Прищурился слегка немигающий правый глаз. Это что, улыбка?.. Над головой у Бабушки покачивается веревка от языка колокола.

Андрей Павлович сидит у окна, лицом к подчиненным ему сотрудникам. На самом большом от него удалении – стол Лиды. Около Лиды стоит ее бывшая сокурсница и лучшая подруга Марина – модная, уверенная, эффектная.

Они разглядывают лежащий на коленях у Лиды фирменный пакет с шоколадной девицей в микротрусиках и тоненьком лифчике. А за девицей – зеленые пальмы, желтое солнце, синий океан.

– Гонконг. Дешевка, – презрительно говорит Марина.

– «Дешевка»... Пятьдесят рэ, – грустно шепчет Лида.

– Хороший купальник тянет на двести пятьдесят.

– Это еще что за купальник?

– Гораздо более открытый. Один намек.

– О боже! Кошмар!

– Я дам тебе этот полтинник. Не ной. Отдашь, когда сможешь. Важно в принципе – ехать тебе с ним или нет?

Нина Елизаровна кормит мать обедом.

Еле теплящаяся, неподвижная старуха жадно открывает живую половину рта, и Нина Елизаровна привычно и ловко сует туда то ложку с супчиком, то кусочек куриной котлетки, размятой в кашу. Одновременно она делает десятки маленьких, незаметных дел – вытирает Бабушке лицо, подкладывает салфетку под щеку, поправляет одеяло, поудобнее подтыкает под головой старухи подушку, сует ей в рот поильник, смахивает с постели крошки...

И болтает, болтает, болтает... Она болтает с матерью так же привычно, как и кормит ее. Без ожидания ответа, реакции на сказанное, со святой убежденностью в том, что старуха слушает ее и понимает.

– ...и я клянусь тебе, мамочка, Настя очень нежно к тебе относится! – говорит Нина Елизаровна. – По-своему, по-дурачки – с какими-то своими представлениями о родственных связях, человеческих ценностях... Пятнадцать лет – чудовищный возраст! Щенки, лающие басом. Умоляю тебя, мамуленька... Ну вспомни Лиду... Меня, наконец! В пятнадцать лет мы были такими же стервами. Тоже казалось, что мы – центр мироздания, а все остальные... Подожди, я здесь чуть-чуть подотру... Ну давай еще ложечку... Замечательно! И потом, это бездарное ПТУ! Ну что такое? Как ребенок интеллигентных родителей, так обязательно ПТУ, или Школа торгового ученичества, или педучилище – в лучшем случае. Одну ложечку... Вот так, молодец! А как только это ребенок из нормальной рабочей семьи или из деревни – так пальцы в кровь, морду всмятку, деньги на бочку – но чтобы школа с медалью, институт с красным дипломом! А потом Москва. А там... Отлаженная демагогическая система, цепь необходимых предательств, бешеная общественная работа и... Здравствуй! Они уже едут за границы, они уже заседают, они уже на Мавзолее стоят! Стой, стой, мамуля! Сейчас... Горячего молочка... Вот так! И желудок будет работать лучше. И происходит какая-то двухсторонняя деградация. Революция продолжается по сей день – кто был ничем, тот станет всем! Размочить тебе печеньице в молоке? Кухарки обязательно хотят управлять государством, жутко мешают друг другу, ссорятся, толкаются, как лакеи в прихожей! Не горячо, мамуля? Ну не торопись, не торопись... Потом они ненадолго объединяются, наваливаются всем миром на интеллигенцию... Ты же понимаешь, что тут они едины. Это их инстинкт самосохранения, которого мы почему-то лишены. Раньше – за шкуру и в кутузку, в лучшем случае коленом под зад – и катись колбаской по Малой Спасской! Теперь проще: собирают в Кремле, кормят с рук, облизывают до состояния глазированной и тихо опускают до собственного уровня. До того уровня, на котором уже можно разговаривать командным тоном, а он будет тебе казаться доверительной беседой на равных. Фантастика! Тебе судно подать? Ты по-большому хочешь или по-маленькому?

Неподалеку от Киевского вокзала, рядом с Дорогомиловским мостом, в громадном угловом доме, одним крылом выходящем на набережную Москвы-реки, помещается маленький винно-водочный магазинчик. А вокруг него – толпа из вокзально-приезжего и местно-ханжского люда. У дверей магазинчика два милиционера мужественно и самоотверженно сдерживают народное волнение.

– По три сорок семь осталось всего одиннадцать ящиков! – кричит один милиционер в мегафон. – Кому по три сорок семь – больше не становитесь! Только по два пузыря в одни руки!

Толпа в ужасе ахает и еще сильнее наваливается на дверь магазина.

Длинный, тощий, бывшего интеллигентного вида, в очках, в замызганном плаще, мужчина с портфелем взметает в серое небо костлявый кулачок, кричит милиционерам:

– Опричники!

Какой-то звероподобный человек вываливается из магазина с охапкой бутылок, хрипит в толпу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.